

И ЭТО НЕ КОСМОНАВТЫ...

Э. БЕРЗИН, доктор исторических наук
И. МОЖЕЙКО, кандидат исторических наук

Не так давно высказана одна гипотеза, имеющая прямое отношение к проблеме пришельцев — космических гостей*. Автор ее, В. Зайцев, попробовал рассмотреть легенды об одном пророке, одном боге, одном человеке. Первого звали Иисус Христос. Второго — Кецалькоатль. Третьего Чжан Дао-лин. Эти существа, по идее В. Зайцева, были членами экипажа космического корабля, спустившегося на Землю в первом веке нашей эры. То ли по собственной воле, то ли по приказу капитана корабля, они разошлись по Земле, направившись к центрам наиболее важных очагов земной цивилизации: на Ближний Восток, в Центральную Америку и в Китай. Обосновавшись там, они учили людей основам морали и нравственности, подсказывали изобретения и совершали чудеса. Закончив свою просветительскую миссию, инопланетные космонавты покинули Землю и вознеслись обратно на небо.

Обращение искателя пришельцев к «учителям» человечества резко расширяет число «пришельцев». Ибо подобных учителей было множество. Каждый историк или этнограф может перечислить их несколько десятков. И называются они в специальной литературе «культурными героями».

Название «культурный герой» — научный термин. Казалось бы, оно должно относиться к человеку, совершающему героические поступки и притом, очевидно, образованному и вежливому. Это не так. Чаще всего культурные герои не совершают героических поступков и еще чаще они вовсе не люди, а боги или духи. Объединяет их одно — все они являлись для того, чтобы научить людей ремеслам, подсказать изобретения, предложить нравственный кодекс.

Обычно мифы о культурных героях появляются на заре классового общества. Они — дарители знаний и первых законов. Наиболее типичны из них — Прометей, Янь-ди, Эа, Кецалькоатль. «Учителя» и «пророки», подобные Христу, Будде или Чжан Дао-лину, строго говоря, не относятся к культурным героям, хотя кое-чем на них и похожи. «Пророки» (порой прототипами их являются вполне реальные личности, впоследствии канонизированные и превращенные в высшие существа последователями) не изобретают колеса и не приносят огня. Они приходят в мир, уже облагодетельствованный пометеями. Они пытаются изменить этот мир с помощью моральных схем, религиозных и нравственных учений.

Культурный герой — почти всегда пришелец. То он появляется с неба, то выходит из моря, то приходит из чужих неведомых земель. И очень редко рождается в тех местах, которые призван осяслить своими деяниями. Пожалуй, к подобным исключениям относится известный Дедал, который на родине у себя, в Афинах, изобрел клей, рубанок, изваял несколько изумительных скульптур, но затем убил обогнавшего его в изобретательстве племянника (племянник, несмотря на молодость, создал пилу, гончарный круг и циркуль) и убежал на Крит. И уж там, построив царю Миносу Лабиринт, вылепив несколько движущихся статуй, испугавших даже богов, Дедал перешел к главному делу жизни — изобретению воздухоплавания. Этим он прославил себя еще более и впоследствии был причислен к богам.

* * *

Мы удивляемся меньше, чем наши предки,

* См. журнал «Байкал», 1967 г., № 6; 1968 г., №№ 1 и 2.

потому что нам некогда удивляться. Слишком велик поток информации, сваливающийся на голову. Пронсхолит смещение понятий и даже эпох. Чукча сначала знакомится с самолетом и лишь потом, часто по картинкам, с велосипедом или поездом.

Мы знаем, в каком году создана таблица Менделеева и когда запустил свой паровой двигатель Стефенсон. Мы не оставляем места вопросу: а как такое могло случиться? Изобретения более давние мы принимаем как должное. Колесо не кажется удивительным изобретением, и его «сделает» каждый ребенок, стоит ему разок взглянуть на автомобиль. Больше того, мы привыкли к тому, что Земля круглая, и нам странно, что до Коперника так мало людей об этом догадывалось.

Двадцатый век, в основном, рационалистичен. Мы знаем, что Эйнштейн и братья Черепановы не были пришельцами, потому что доверяем печатному слову. Мы знаем, что радио изобрел Попов, потому что до Попова радио не было, а потом стало. Мы знаем, что атомную бомбу нам не подсказывали пришельцы.

Теперь представим себе на минуту, в каком положении находились люди, допустим, пять тысяч лет назад, ранние земледельцы, скотоводы и охотники. Кто-то когда-то изобрел колесо. Кто-то придумал первую письменность, научился магическому искусству запечатлеть слова и звуки на камне и глине. Разрыв между первым городом, в котором живут жрецы и князья, и степью, где пасут овец кочевники, еще невероятно велик. Знания принадлежат маленькой горстке жрецов, посредников между человеком и богами. И эти знания оберегаются от чужих глаз и ушей. Ведь само существование жреческих каст, их благополучие зависят именно от монополии на знания, на чудеса. Через посредство жрецов люди получают недвусмысленные указания — что делать, как жить, кому подчиняться, кого бояться. В основном — кого бояться.

Солнце еще бог. Оно поднимается по утрам на небо. Но где гарантия, что без просьб жрецов оно не остановится? Природа, столь обычная и понятная для первобытного человека, природа, в которой мог быть одушевлен любой камень и зверь, становится враждебной.

Но ведь человек должен верить в хорошее. И разум начинает цепляться за хороших богов, за добрых духов, благоволящих к человеку, готовых взять на себя его беды, помочь и оградить. И боги — благодетели, дарители, изобретатели обретают особую популярность. Естественно, нужда в таких богах имеет не только психологические причины. Она коренится и в новых условиях социально-экономической жизни.

Люди общаются между собой, перемешиваются племена и народы, пленники и рабы меняют родину, умирают в сотнях дней пути от дома. Торговцы собирают караваны и отправляются через пустыни. Корабли выходят в море. С кораблями, армиями, караванами путешествуют идеи, изобретения, слухи о необыкновенных людях, которые стали богами, и о богах, которые снизошли к людям.

* * *

Очевидно, очень древен китайский бог Янь-ди. Древен и живуч. И до сих пор в Китае многие относятся с опаской к безобидному растению с мелкими желтыми цветами, выходящим по изгородям. Но лучше начать по порядку.

Янь-ди был богом Солнца, одновременно выполняя обязанности Верховного владыки

Юга, то есть принадлежал к числу наиболее сильных богов древнекитайского пантеона.

Когда он впервые появился в мире, то людей уже там было много и пищи им не хватало. И тогда Янь-ди научил людей сеять хлеб. Больше того, он сделал так, чтобы люди работали вместе, делили добро, помогали друг другу. И не было рабов и господ. И все были как братья и сестры. Подвластное себе Солнце Янь-ди научил давать вдоволь света и тепла. Люди любили Янь-ди и называли его Шэнь-нуном — богом земледелия.

В конце своего царствования Янь-ди занялся медициной. У него была красная палочка, с помощью которой он определял целебные травы. Если же палочка не помогала, бог ставил опыты на себе. Он лично пробовал сомнительные травы, а так как трав было много, то по семьдесят раз на дню отравлялся и очень мучился от этого, но опытов не прекращал. Наконец, он съел желтый цветок и умер (хоть и был богом) в страшных муках, пожертвовав жизнью ради блага людей.

* * *

Наиболее известным культурным героем на Ближнем Востоке был бог Эа. Сведения о нем можно почерпнуть у Бероса, ученого вавилонского жреца, современника Александра Македонского. Берос написал историю Двуречья для греков — новых хозяев Вавилона. Если бы его сочинение сохранилось до нашего времени, мы бы, наверно, ставили Бероса в один ряд с Геродотом и Страбоном. Однако рукописи его трудов погибли в пожарах и лишь небольшие отрывки можно разыскать в виде цитат в произведениях позднейших историков. Вот что пишет Берос о боге Эа, называя его в греческой транскрипции Оанном: «Однажды из Эритрейского моря, там, где оно граничит с Вавилонией, явился зверь, одаренный разумом, по имени Оанн. Все тело у зверя того было рыбье, только под рыбьей головой у него была другая, человеческая, а внизу из-под рыбьего хвоста выходили ноги, подобные человеческим, речь его была также человеческая. И изображение его сохранилось поныне. Это существо, бывало, проводило весь день среди людей, не принимая никакой пищи, преподавая им понятия о грамотности, науках и всяких искусствах. Оанн научил людей строить города и воздвигать храмы, вводить законы и мерить Землю, показал им, как сеять зерно и собирать хлеб, словом, обучил их всему, что смягчает нравы, так что с тех пор никто ничего превосходного уже не изобрел. А когда солнце заходило, этот удивительный Оанн погружался опять в море и проводил ночи в пучине, ибо там был его дом. Он написал книгу о начале мира и о том, как он возник, и вручил ее людям.» Берос даже подсчитывает, используя данные халдейских жрецов, что появился Оанн (Эа) на Земле за 259 тысяч лет до первого царя. Затем жило десять царей, царствовавших в среднем по 20—30 тысяч лет. За это время к людям выходили еще шесть воплощений Эа, все схожие с ним. И всего от Эа до Бероса прошло около семисот тысяч лет. Другими словами, если верить халдейским мудрецам, то проповедовал Эа не людям, а их отдаленным предкам, более схожим с обезьянами.

Эа универсальнее милосердного Янь-ди. Он передал людям всю сумму знаний, в том числе основы религии и законов. Он — полная антитеза многочисленным демонам и злым духам мифологии Двуречья.

Но все-таки и ему, как, впрочем, всем культурным героям, свойственна любопытная черта — «переданные» им знания точно отвеча-

ют условиям, уровню развития общества в тот момент, когда знания «получены». И в них ни грана лишнего, ни грана того, что не было бы известно человечеству на том этапе развития. А ацтекский бородатый бог Кецалькоатль, принесший ацтекам знания, не смог придумать колеса. Не знал он ничего о колесе — что тут будешь делать! Культурный герой колумбийских индейцев муисков тоже был бородатым старцем, явился с Востока, объявил себя сыном Солнца. Звали его Бочкой. Он научил индейцев носить одежды, поклоняться богам, обрабатывать поля.

У инков в Перу культурными героями были и древний бог Виракоча и первый инка — Манко Капак, вышедший из-под Земли со своими братьями и сестрами (по другим легендам — из озера Титикака). Перуанские просветители дали необразованным инкам законы, правила брака и нравственности, земледелие, искусство и науку. И основали государство. О необходимости одеваться они не говорили — видно, как ни темны были люди, к которым эти культурные герои обращались, одеждой они уже обзавелись.

Каково же все-таки происхождение культурных героев? Чем объяснить (помимо чисто человеческого желания создать доброе божество) упорное появление культурных героев в мифологии почти всех народов Земли? Пожалуй, ответ часто можно найти во внешности этих существ. Они совсем не похожи друг на друга. И совсем не обязательно человекоподобны. Если позднейшие культурные герои — такие как Прометей и Дедал — уже люди, хотя бы внешне, то древние обычно весьма разнообразны. Кецалькоатль — оперенный змей, принявший облик человека, но не расставшийся с некоторыми змеиными чертами и качествами. Манко Капак живет под водой (или под землей). Эа покрыт чешуей и выходит из моря. А мудрый Янь-ди вообще изображается с бычьей головой. Звериные черты можно проследить и у многих других культурных героев. Все эти звериные черты и помогают нам понять, что это за герои, почему они так добры к людям.

Еще недавно североамериканские индейцы считали себя детьми волков, воронов, бизонов. От рыб вели свое происхождение племена Полинезии и прибрежных областей других частей света. Животное — предок (тотем) было покровителем племени или рода. Оно заботилось о благосостоянии родственников, защищало их от злых духов и помогало справляться с силами природы.

Именно из среды тотемных животных и вышли многие культурные герои-заботники, защитники, покровители людей. Люди уже давным-давно забыли, почему именно тот или иной бог так добр и близок к ним. Мы-то ведь помним, что именно Ньютон открыл третий закон Ньютона благодаря письменности и книгопечатанию.

Разумеется, вторичные культурные герои, герои-моралисты, уже не имели ничего общего с тотемизмом. И среди греков было достаточно людей, не очень веривших в то, что Дедал избрал рубанок. И еще больше греков воспринимало миф о Прометее именно как миф, легенду.

* * *

Ознакомившись вкратце с почтенным семейством культурных героев, мы можем, в заключение, вернуться вновь к гипотезе В. Зайцева и поближе взглянуть в члены экипажа его «космического корабля». Может ли содержаться в этой гипотезе зерно истины?

Необходимо, правда, учесть, что, по Зайцеву, прилет Христа, Кецалькоатля и Чжан Дао-лина был не первым визитом пришельцев на Землю. Перед этим побывало у нас множество экспедиций. Одна из которых, ни мало ни много, уничтожила с помощью ядерного оружия Содом и Гоморру — для внушения уважения к Ветхому Завету. «Позднее, — пишет Зайцев, — учитывая, что старая программа исчерпала себя и уже не могла служить критерием правильности социальной и личной жизни человека, успевшего шагнуть по ступеням исторического прогресса, но оставшегося неизменным в своей сущности...», пришель-

цы решили проповедовать программу «общечеловеческого братства и любви к ближнему».

Итак, программу «братства и любви» проповедуют три пришельца: «судя по времени (во всех трех случаях I век), характеру деятельности, характеру появления и исчезновения — это лица одного порядка, одних обстоятельств и, может быть, члены одного космического экипажа».

Автор придает особое значение синхронности этих трех персонажей, так как «будь между этими тремя легендами дистанция хотя бы в один-два века, версия бродячего сюжета была бы правомерной».

Итак, как утверждает В. Зайцев, Иисус Христос действительно был исторической личностью и жил в первой трети I века н. э., и его идеология, как полагает В. Зайцев, действительно носила благородный, интернационалистический и глубоко демократический характер (правда, с этим утверждением Зайцева авторы глубоко не согласны).

Остаются два других члена экипажа. Чем же В. Зайцев доказывает, что они были современниками Христа и его товарищами по духу? Ссылками на исторические труды других авторов (чем выгодно отличается от многих других авторов работ о пришельцах, склонных порой засекречивать источники сенсационной информации).

«В Южной Америке существует сказание о Кецалькоатле, — пишет В. Зайцев, — белом человеке с бородой, проповедовавшем царство добра и справедливости... Д. Вайан, ссылаясь на ацтекские и испанские хроники, говорит, что царя тольтеков можно отнести к рубежу нашей эры.» Далее следует даже сноска на труд Д. Вайана: «История ацтеков», Москва, 1949 г., стр. 133—134. Сноска успокаивает и прилетает весомость аргументам.

Но если посмотреть на страницы 133 и 134 цитированного издания, то обнаружится удивительная вещь: ни здесь, ни на какой-нибудь другой странице Вайан не говорит, что деятельность царя тольтеков Кецалькоатля можно отнести к первому веку. Да и не может говорить ничего подобного, потому что как раз на 133 странице Д. Вайан пишет: «Противоречивые данные о Кецалькоатле навязывают мне на мысль, что его имя и понятие о нем не имеют своим источником предания о каком-нибудь одном человеке. — это, скорее всего, объединение сложившихся за продолжительный период времени представлений о причинах введения усовершенствований, способствовавших физическому благополучию и духовному благосостоянию ацтеков» — то есть перед нами типичное определение культурного героя. Если обратиться к другим авторитетам по истории Древней Америки, то обнаружится, что, по мнению ученых, за этим именем стоят три понятия: 1) один из главных богов мексиканского пантеона, 2) титул, который присваивался верховным жрецам этого бога в Теночтитлане, 3) исторический правитель тольтеков Акатль Топильцин.

Если Зайцев имеет в виду бога, то первый известный нам храм Кецалькоатля был построен в VIII веке. Если жреца бога, в Теночтитлане, то такие жрецы появляются лишь в середине XIII века. Если, наконец, царя тольтеков, именно таким титулом В. Зайцев награждает «члена экипажа», то он правил в 968—987 годах в городе Туле и был изгнан в результате гражданской войны.

Итак, оказывается, что ближайшая возможная дата жизни «второго члена экипажа» отстоит на 700 (!) лет от времени, к которому, по легендам, относят деятельность Христа.

Когда же жил третий член экипажа? В рассказе о нем В. Зайцев почему-то опирается лишь на труд, изданный 80 лет назад. И пишет вот что: «Если мы обратимся к исследованию С. Георгиевского «Принципы жизни Китая» (Санкт-Петербург, 1888 год), мы найдем в нем не менее, чем Кецалькоатль, странную личность с именем Чжан Дао-лин, который считался сыном девственницы, в 60 году нашей эры стал правителем провинции Цзян-чжок, а после смерти вознесся на небо».

В своей книге С. Георгиевский коротко пересказывает легенду об одном из основателей

даосской религии в Китае, личности вполне исторической. И указывает, что Чжан Дао-лин не умирал, а выпил эликсир собственного изготовления и достиг бессмертия. После чего живым вознесся на небо. Больше того, если легенда о Чжан Дао-лине рассказана у Георгиевского под № 254, то в следующей легенде № 255 говорится о другом деятеле даосизма, сыне девы Бей-ди, который также вознесся на небо (может быть, в Китай было брошено несколько космонавтов?), а также упоминается о целой толпе праведников такого толка, из них особенно отличился некий Сюй-сун, живший в III веке, вознесшийся на небо вместе со всем своим семейством, собаками и домашней птицей. Сразу возникает вопрос: почему В. Зайцев выбрал именно Чжан Дао-лина?

Умер Чжан Дао-лин в 158 году, этот год установлен довольно точно, ибо к тому времени секта, основанная им, пользовалась в Китае известностью, а после смерти основателя главенство в ней перешло к старшему сыну Чжан Дао-лина. Итак, Чжан Дао-лин жил во втором веке нашей эры.

Теперь, когда установлено, что три члена космического экипажа никак не современники, можно остановиться на том, одина ли их морально-этическая концепция всеобщего братства и любви. Христос проповедовал, по Зайцеву, братство и любовь к ближним. Что тогда проповедовал Кецалькоатль?

Кецалькоатль — один из наиболее кроваво-жадных и сварливых персонажей мексиканской мифологии. Он вечно сражается за власть со своим братом Тескатлипокой. Дважды ему даже удалось уничтожить все население Земли. Тот же Д. Вайан пишет, что «по углам храма Кецалькоатля были закопаны люди — как жертвы при закладке». При этом Кецалькоатль сохранял функции культурного героя. Он, и в самом деле, согласно мифу, принес людям знания. Он мог быть и милостивым. Однако при всем том оставался ацтекским богом и, как все они, требовал кровавых жертв. Это о Кецалькоатле — боге. Что касается его жрецов, то именно им принадлежала честь вспарывать грудь жертвам храма. Остается Кецалькоатль — царь тольтеков X века. Испанский епископ Диего де Ланда пишет о нем, как о мудром правителе. Мудрость его заключалась в том, что он обнес город толстой стеной, а внутри построил «дома только для сенаторов, между которых разделил всю страну, раздав каждому селения по древности его рода и личным заслугам». Любовь и братство у царя были явно классовыми.

Проповедь Чжан Дао-лина, как и прочих даосских сектантов, весьма отличалась от христианской. Современный исследователь Китая Л. Васильев сообщает, что «действуя в окраинных районах ханьского Китая, в значительной мере среди аборигенного населения... Чжан Дао-лин в середине II века создал там своеобразный культ Неба, провозгласив себя тьянь-ши, то есть небесным хозяином, небесным наставником. С каждого, кто признавал его власть и авторитет, он взимал ежегодно пять лоу (около 50 кг) риса, откуда и пошло название секты «Удоумдао». Чжан Дао-лин, его наследники — сын и внук, пользовались поддержкой губернаторов (а не были губернаторами), и вскоре секта превратилась в «небольшое автономное теократическое государство со своей структурой, принципами, подданными». Между прочим, на Тайване сейчас живет прямой потомок Чжан Дао-лина — шестьдесят третий даосский папа.

Словом, учение третьего «пришельца» и результаты его имеют мало общего с легендами о деятельности как Христа, так и Кецалькоатля.

Очевидно, на роль «пришельцев» куда больше годятся те мифические персонажи, которых не обязательно привязывать к конкретным периодам истории Земли. Среди культурных героев седой древности можно отыскать множество братьев по духу и составить команду корабля из нескольких сотен «космонавтов».

На роль командира мы бы рискнули порекомендовать Эа. Особенно, если допустить, что предки вавилонян приняли его скафандр за рыбью чешую.